

ЖУРНАЛ «НОВИК» И РУССКОЕ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

После событий октября 1917 г. в истории отечественной генеалогии начался уникальный период. В то время, как в СССР наука о прошлом находилась под жестким идеологическим контролем, страдала от тематических ограничений, а ученые постоянно жили в страхе репрессий, в эмиграции, вдали от родины, велись масштабные родословные исследования, был собран ценный фактический материал о дворянстве, модернизировано понимание теоретических основ генеалогии, сформировались центры ее изучения, в качестве которых выступили дворянские организации (прежде всего, в США и Франции). Эмигрантская генеалогия представляла собой научный феномен эпохи политических потрясений. Существовая за пределами страны, без широкого доступа к архивам, она оказалась не только полноценным продолжением традиций русской исторической школы, но и успешно синтезировала новое научное знание.

Интенсивное развитие генеалогии вне России во многом стало возможным благодаря многогранной деятельности Леонида Михайловича Савелова (1868–1947)¹, выдающегося исследователя дворянства, профессора генеалогии, председателя Историко-родословного общества в Москве, действительного статского советника, камергера, в 1916–1917 г. – холмского губернатора.

Вместе с семьей он покинул родину в конце 1920 г. В изгнании, находясь на положении беженца, не обладавшего, по собственному признанию, «никакими материальными средствами и долженствующего заботиться о хлебе насущном, который достается очень нелегко»², историк нашел в себе силы продолжать активную научную и общественную деятельность. С 1921 г. он жил в Афинах, где участвовал в работе многих эмигрантских организаций: был членом Монархического объединения в Греции, основал Научно-литературный кружок, возглавлял Греко-русский Пушкинский комитет. Л.М. Савелов стал одной из наиболее заметных фигур русской диаспоры³.

¹ На рубеже 1920-х – 1930-х гг. Л.М. Савелов стал именоваться Савелов-Савелков. В примечаниях к данной статье и в тексте сборника встречаются оба варианта написания фамилии. См.: Наумов О.Н. Еще раз о биографии Л.М. Савелова // Генеалогический вестник. 2008. № 34. С. 89–92.

² Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 6091. Д. 1а. Л. 2 об.

³ Подробнее о «греческом» периоде жизни Л.М. Савелова см.: Жалнина-Василькиоти И.Л. Русская эмиграция в Греции. Судьбы. XX век. М., 2015. С. 69–101.

В первые годы жизни на чужбине генеалог отошел от изучения прошлого, ему приходилось заниматься обустройством в чужой стране, налаживать быт, искать работу. Только с середины 1920-х гг., когда стало понятно, что возвращение на родину откладывается, он вновь взялся за научные изыскания. Прежде всего, он решил подвести итог многолетнему исследованию собственного рода и занялся созданием обобщающего труда, в котором реконструировал историю Савеловых с древнейших времен до XX в.⁴ Это малоизвестное в историографии сочинение представляло собой выдающееся явление в истории генеалогического знания. В нем было реализовано принципиально новое понимание методов и задач родословного исследования. Автор воссоздал историю Савеловых в широком общеисторическом контексте, показал основные события истории России через судьбы конкретных людей, а сам процесс развития рода предстал как отражение социальной эволюции всего дворянства.

Завершив рукопись, Л.М. Савелов приступил к осуществлению не менее значимого проекта – воспоминаниям. Работа над ними продолжалась с лета 1928 г. примерно до 1930 г. В 2015 г. мемуары были опубликованы⁵ и стали знаковым событием для отечественной генеалогии, существенно расширив представления о жизни и деятельности Л.М. Савелова.

В первой половине 1930-х гг. интенсивность его исследований заметно возросла. Историк опубликовал несколько генеалогических, исторических, политических статей и брошюр, среди которых были работы о Романовых и Толстых⁶. Кроме того, он решил завершить родословный словарь древнего русского дворянства «Родословные записи», начатый еще в 1906 г. По идее автора, вместе с составленным ими же библиографическими указателями он должен был составить универсальную справочно-информационную систему, позволявшую приступить к изучению любого рода, восходящего к допетровскому времени. В 1933 г. новый труд был издан тиражом 60 экземпляров под названием «Древнее русское дворянство»⁷. Он состоял из двух частей: аналитической и справочной. В первой излагалась история служилого сословия и давался обзор основных источников по его истории.

⁴ ГА РФ. Д. 8. Л. 1–284.

⁵ Савелов Л.М. Воспоминания / подгот. текста, предисл., коммент., им. указ. О.Н. Наумова. М., 2015.

⁶ Савелов-Савелков Л.М. Романовы на службе государей московских // Луч. 1931. № 38, 39, 140; Он же. Происхождение Романовых // Младорос. Вып. 12. Париж, 1931; Он же. Бояре Романовы. Афины, 1933; Он же. Род Толстых и графы Алексей и Лев Толстые. Афины, 1934.

⁷ Савелов-Савелков Л.М. Древнее русское дворянство. Афины, 1933. Экземпляр см.: ГА РФ. Ф. 6091. Д. 26.

Текст восходил к лекциям по генеалогии⁸, прочитанным Л.М. Савеловым в Московском археологическом институте в 1908–1913 гг., но был дополнен главой о новгородском боярстве, из среды которого происходил род автора. Вторая часть содержала справки о почти тысяче дворянских семей⁹. Из-за недоступности архивных источников и полного корпуса литературы новый труд уступал дореволюционной публикации. Сам ученый понимал это и, стремясь оправдаться, писал, что справочник «не может, конечно, претендовать на исчерпывающую полноту, но, во всяком случае, он может служить основанием и материалом для будущей подобной работы...»¹⁰.

Постепенно Л.М. Савелов подошел к мысли о необходимости специализированного издания по генеалогии. В 1934 г. он основал журнал «Новик». Для современного читателя смысл этого слова не вполне ясен, а в XVI–XVII вв. оно означало начинавшего службу дворянского юношу. Такое название предложила жена ученого Надежда Адриановна, давшая мужу совет: «Назови его [журнал. О.Н.] «Новиком», ведь он вступает на службу, как поступали в нее молодые дворяне»¹¹.

Идею о генеалогическом издании в тех тяжелых условиях, в каких находился историк, можно расценивать как авантюру. У Л.М. Савелова не было ни материальных средств для печатания, ни коллектива авторов, ни доступа к русским библиотекам и архивам. Как признавался историк в дальнейшем, создавая «Новик», он мало надеялся на то, что тот просуществует хотя бы несколько лет. Рассчитывать приходилось только на собственные тексты, которых должно было хватить на год. В частности, предполагалось публиковать фрагменты из воспоминаний и книги «Древнее русское дворянство»¹².

Журнал Л.М. Савелов печатал лично, на пишущей машинке, микроскопическим тиражом 12 экземпляров¹³. Первоначально он выходил 4 раза в год

⁸ Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии. М., [1908]. Ч. 1–2. Репринтное переизд.: Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии. М., 1994.

⁹ Савелов Л.М. Родословные записи: опыт родословного словаря русского древнего дворянства. М., 1906–1909. Вып. 1–3.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 6091. Д. 26. Л. 3.

¹¹ Савелов-Савелков Л.М. К десятилетию «Новика» // Новик. 1945. С. 1.

¹² В 1934–1938 гг. в «Новике» были опубликованы справки о 165 родах и 505 дополнений к ранее напечатанным «записям» (Савелов-Савелков Л.М. Родословные заметки // Новик. 1934. № 3. С. 15–22; № 4. С. 15–20; 1935. № 1. С. 20–24; № 2. С. 16–22; № 3. С. 23–32 и др.).

¹³ Имеются сведения, что первые номера «Новика» издавались в 5 экземплярах. Об этом 10 октября 1934 г. сообщал В.С. Арсеньев в письме к генеалогу В.И. Чернопятову (Отдел письменных источников Государственного исторического музея [далее ОПИ ГИМ]. Ф. 441. Д. 8. Л. 30 об.), но эти данные, по нашему мнению, менее достоверны, чем те, которые исходили непосредственно от самого Л.М. Савелова.

небольшими номерами по 35–40 страниц. В момент основания сотрудниками «Новика» состояли только сам генеалог и его жена. За границей находилось несколько русских историков, имевших опыт родословных исследований, но с одними отсутствовала связь, другие участвовать в подготовке издания отказались. Так, бывший заместитель Л.М. Савелова по Историко-родословному обществу в Москве В.Н. Смольянинов¹⁴ в письме от 11 января 1934 г. обещал подписаться на «Новик», но предупредил, что «статеек не ждите от меня вскорости: спешу, пока жив, дополнить воспоминания»¹⁵.

Кадровые и материальные трудности усугублялись тем, что Афины не были таким крупным культурным центром, как, например, Париж или Нью-Йорк. В городских библиотеках отсутствовали даже самые необходимые для исторических исследований книги. На многочисленных читателей, по признанию Л.М. Савелова, рассчитывать также не приходилось, поскольку «в Греции русских вообще мало, а лиц, интересующихся историей, а особенно генеалогией, и того меньше»¹⁶.

Весной 1934 г. ученого постиг новый тяжелый удар: скончалась всегда его поддерживавшая и во всем помогавшая жена Надежда Адриановна. Кажется, что выпуск журнала стал совершенно невозможен. Выстоять и продолжить дело помог случай. В начале 1934 г. после денежного залога родственников власти СССР позволили выехать на Запад генеалогу Василию Сергеевичу Арсеньеву (1883–1947), давнему коллеге Л.М. Савелова, человеку необыкновенной энергии и широкой эрудиции¹⁷. В 1920-е–1930-е гг. он продолжал генеалогические изыскания, но публиковать их в советской печати возможности никакой не было. Часть рукописей удалось вывезти в эмиграцию. В первом же письме к Л.М. Савелову, датированном 23 февраля 1934 г., В.С. Арсеньев сообщал о 9 готовых к печати статьях¹⁸. Он критически оценил первые номера «Новика», назвав их «весьма слабыми»¹⁹, но, понимая потенциал издания, приложил много сил и труда, чтобы исправить ситуацию и сделать его содержание лучше и разнообразнее. Генеалог стал постоянным сотрудником «Новика» и в течение 1934–1947 гг. опубликовал в нем более 100 материалов. Первые четыре года журнал состоял практически

¹⁴ Подробнее о нем см.: Наумов О.Н. Воспоминания В.Н. Смольянинова как источник по истории русской книжной торговли в Югославии в 1920-е гг. // Наумов О.Н. Очерки по русской генеалогии. М., 2012. С. 346–356.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 6091. Д. 43. Л. 80 об.

¹⁶ Савелов-Савелков Л.М. От редакции // Новик. 1938. № 4. С. А.

¹⁷ Подробнее о нем см.: Наумов О.Н. В.С. Арсеньев – русский генеалог XX века // Наумов О.Н. Очерки по русской генеалогии. С. 165–208.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 6091. Д. 12. Л. 2.

¹⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 441. Д. 8. Л. 28 об.

ки только из статей трех авторов: самого Л.М. Савелова, В.С. Арсеньева и бывшего штабс-ротмистра 3-го драгунского Новороссийского полка, любителя истории Николая Петровича Михайлова (умер в 1968 г.)²⁰.

Русские эмигранты встретили «Новик» с большим одобрением. В.Н. Смольянинов отмечал, что с удовольствием прочитал первый выпуск журнала, а третий номер за 1934 г. оказался, по его мнению, «очень содержателен»²¹. В.С. Арсеньев назвал второй номер «Новика» за 1935 г. «подарком любителям отечественной генеалогии»²². В подобных отзывах было, конечно, много желаний поддержать Л.М. Савелова в самоотверженном деле. Первые выпуски значительно уступали в научном отношении «Летописи Историко-родословного общества в Москве», которая издавалась в 1905–1915 гг.

Как и большинство эмигрантских журналов, «Новик» испытывал финансовые трудности. Первоначально годовая подписка на него стоила 50 французских франков²³, но подавляющая часть русской диаспоры была бедна и не могла позволить себе даже такой небольшой расход. «Подписался бы с радостью на весь год, но материальные дела в очень тяжелом положении»²⁴, – сетовал бывший морской офицер, нумизмат М.Ю. Гаршин. В 1934–1935 гг. журнал имел всего 9 подписчиков, среди них В.С. Арсеньев, автор известного справочника «La noblesse de Russie» («Российское дворянство») Н.Ф. Иконников, Н.П. Михайлов, В.Н. Смольянинов, Союз российских дворян в Америке, Нью-Йоркская публичная библиотека и др.²⁵. Иногда изданием интересовались случайные люди, которых привлекали конкретные статьи²⁶. Коллеги-историки по мере сил помогали с подпиской.

²⁰ Подробнее о нем см.: Незабывтые могилы. Т. 4. М., 2004. С. 589; Жалнина-Василькиоти И.Л. Указ. соч. С. 362.

²¹ ОПИ ГИМ. Д. 43. Л. 82, 85.

²² ГА РФ. Ф. 6091. Д. 12. Л. 39.

²³ В конце 1930-х – начале 1940-х гг. стоимость годового комплекта «Новика» составляла 2 американских доллара, подписка на 1943 г. – 2 доллара 50 центов, а с 1945 г. единственный ежегодный выпуск оценивался в 3 доллара.

²⁴ ГА РФ. Ф. 6091. Д. 20. Л. 4.

²⁵ Нью-Йоркская публичная библиотека выписывала журнал только в 1935 г., но Л.М. Савелов признавался: «Это было для меня большим торжеством» (Савелов-Савелков Л.М. К десятилетию «Новика» // Новик. 1945. С. 1).

²⁶ Бывший генерал-лейтенант Генерального штаба В.А. Чагин, например, подписался на «Новик» из-за публикации своей родословной ([Савелов-Савелков Л.М.] Чагины // Новик. 1935. № 1. С. 26). Он остался недоволен тем, что к тексту не прилагалась таблица, и выразил огорчение в шутовском стихотворении, присланном «генералу-генеалогу» Л.М. Савелову (ГА РФ. Ф. 6091. Д. 48. Л. 4 об.; опубл.: Чагин Г.В., Кубарев А.Г. Чагины. М., 2015. С. 133). Барон Е. Унгерн-Штернберг в 1937 г. желал приобрести один из номеров журнала за 1934 г.,

В ноябре 1935 г. медиевист Л.М. Сухотин обещал уговорить библиотекаря Русско-сербской женской гимназии в Белграде приобрести годовой комплект «Новика»²⁷.

Ситуация изменилась к лучшему в 1937 г., когда Л.М. Савелов переехал жить к дочери Вере в США. Он быстро наладил тесный контакт с сильным в организационном отношении Союзом российских дворян в Америке. Вокруг ученого стали консолидироваться любители истории и генеалогии. «Новик», по словам Л.М. Савелова, «сразу же оживился»²⁸, появились новые сотрудники, бывшие чиновники и офицеры: граф Б.Г. Берг, С.В. Гладкий, Ю.А. Навроцкий, Н.Д. Плешко и др. В библиотеках Нью-Йорка имелось большое собрание русских книг, регулярно поступали новинки из СССР. Стремясь сохранить этническую, культурную и социальную идентичность, дворяне-эмигранты уделяли большое внимание генеалогии и сословной истории, поэтому «Новик» оказался востребован диаспорой.

Благоприятная ситуация подвигла Л.М. Савелова на создание генеалогической организации. По его инициативе, в октябре 1937 г. в Нью-Йорке возникло Русское историко-родословное общество, которое должно было продолжить деятельность Историко-родословного общества в Москве²⁹. Цели обеих организаций формулировались идентично – «научная разработка истории русского дворянства во всех проявлениях его прошлой жизни и разработка истории отдельных дворянских родов»³⁰.

Председателем Русского историко-родословного общества избрали Л.М. Савелова, но при этом возникла некоторая трудность: генеалог жил не в Нью-Йорке, где находилось большинство членов организации, а на ферме около Детройта в штате Мичиган. Ученый опасался, что не сможет из-за своей отдаленности эффективно выполнять должностные обязанности. Сомнения оказались напрасными, но изменилась форма работы – основным стало участие в подготовке «Новика».

в котором его заинтересовала статья В.С. Арсеньева, но Л.М. Савелов отказался дробить полный годовой комплект и предложил перепечатать текст, на что было получено согласие (ГА РФ. Ф. 6091. Д. 47. Л. 1–3).

²⁷ ГА РФ. Ф. 6091. Д. 44. Л. 6 об.

²⁸ Савелов-Савелков Л.М. Генеалогия // Новик. 1939. № 4. С. 13. См. настоящее издание, с. 95

²⁹ Подробнее о нем см.: Наумов О.Н. Историко-родословное общество в Москве и развитие русской генеалогии // Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940 гг. Кн. 1. М., 1994. С. 429–440; Он же. Л.М. Савелов и Историко-родословное общество в Москве // Историческая генеалогия. 1994. Вып. 4. С. 4–13; Он же. Историко-родословное общество в Москве в контексте русской генеалогической мысли // Вестник архивиста. 2005. № 1. С. 135–141; Он же. Историко-родословное общество в Москве. Конец XIX – начало XX в. // Вопросы истории. 2011. № 10. С. 89–99.

³⁰ Русское историко-родословное общество в Нью-Йорке // Новик. 1938. № 1. С. 9. Ср.: Историко-родословное общество в Москве: [сб. мат-лов]. М., 1914. С. 27.

Оторванность от коллег по исследованиям и русских организаций, а также ухудшение зрения, склонили Л.М. Савелова к мысли передать «Новик» Русскому историко-родословному обществу, что и произошло в конце 1938 г. С этого момента журнал перестал быть частным изданием и получил статус официального органа генеалогической организации. Л.М. Савелов по-прежнему являлся его руководителем, но значительную часть работы взял на себя Николай Дмитриевич Плешко (1886–1959), бывший паж Высочайшего Двора, полковник лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, который еще в 1910 г. на основании семейного архива и выписок из документов Московского архива Министерства юстиции составил поколенную роспись своего рода, опубликованную в «Малороссийском родословнике» В.Л. Модзалевского³¹.

Секретарем редакции стал инженер Юрий Александрович Навроцкий³², увлекавшийся геральдикой. Его заочное (по переписке) знакомство с Л.М. Савеловым состоялось еще в 1936 г., а причиной послужило как раз желание ознакомиться с генеалогическим изданием. В письме от 11 апреля 1936 г. Ю.А. Навроцкий писал ученому: «Мне говорили, что Вы издаете журнал «Новик», имеются ли у Вас еще экземпляры, сколько стоит подписка и выходит ли еще теперь этот журнал? Я с интересом бы приобрел его [...]»³³.

Изменение статуса пошло изданию на пользу: улучшился внешний вид (с 1939 г. оно печаталось на ротаторе), более разнообразными стали тематика и содержание материалов. Однако политическая обстановка в мире осложнила мирные занятия генеалогов, становилось все труднее поддерживать контакты с Европой, возникли материальные проблемы. В третьем номере за 1941 г. редакция просила заранее оформить подписку на следующий год, поскольку повышались цены на бумагу и было необходимо запастись ей заранее³⁴. В середине 1942 г. появилось объявление, в котором сообщалось о невозможности гарантировать доставку подписчикам, живущим по другую сторону Атлантического океана. В связи с этим редакция просила извещать о получении номеров. В сообщении о подписке на 1943 г. оговаривалось, что плата из Европы, Азии и Африки принимается на том условии, что экземпляры останутся в Нью-Йорке «до времени, когда будет возможна их пересылка»³⁵. Во второй половине 1942 г. издание «Новика» пришлось

³¹ Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 4. Киев, 1914. С. 79–101.

³² Подробнее о нем см.: Наумов О.Н. Проблемы геральдики в историко-генеалогическом журнале «Новик» (1934–1947 гг.) // Наумов О.Н. Очерки по русской геральдике. М., 2014. С. 174–177.

³³ ГА РФ. Ф. 6091. Д. 53. Л. 8.

³⁴ Новик. 1941. № 3. С. 25.

³⁵ Там же. 1942. № 2. С. 40.

все-таки приостановить, несмотря на то, что статьи для последующих выпусков были уже собраны.

Сразу после победы над фашистской Германией журнал стал снова выходить в свет, но оказался иным, чем прежде. Изменились его периодичность, объем, структура, тематика. Идея реформировать «Новик» появилась еще в 1943 г., когда его предполагалось печатать не ежеквартально, а в двух выпусках объемом по 80 страниц. С 1945 г. журнал стал ежегодником, что позволило увеличить его объем до 100 страниц. Появилась четкая структура, материалы распределялись по трем рубрикам: в первой концентрировались исследовательские статьи на исторические и генеалогические темы, во второй – поколенные росписи, в третьей – информационные заметки, некрополи, письма в редакцию, рецензии. Увеличение объема отразилось на тематике. Появилась возможность публиковать большие статьи, от которых раньше отказывались³⁶.

Одновременно изменилось руководство журналом. В 1945 г. 77-летний Л.М. Савелов из-за нездоровья окончательно отошел от издательской деятельности, хотя и остался почетным редактором. «Новик» возглавил деятельный Н.Д. Плешко. Существование журнала в последующие годы являлось его исключительной заслугой. Он отдавал изданию все личное время³⁷, все силы, стремился поддерживать его научный уровень. В 1950-е гг. журнал продолжал развиваться, появились новые сотрудники: Н.Н. Мазаракий, А.Г. Тарсаидзе, князь К.Л. Туманов и др. В 1954 г., по решению общего собрания Русского историко-родословного общества, был составлен и опубликован указатель его содержания за 20 лет существования³⁸.

Однако к середине 1950-х гг. в русской диаспоре сложилась новая социально-культурная ситуация, обусловленная сменой поколений. Число

³⁶ Например, в конце 1930-х гг. Л.М. Савелов получил из Парижа большую родословную князей Куракиных и в письме графу Николаю Леонидовичу Муравьеву жаловался, что не знает, как с ней поступить, поскольку «делить неудобно, [а] печатать целиком нельзя» (Письма Л.М. Савелова графу Н.Л. Муравьеву // *Летопись Историко-родословного общества в Москве*. 1994. Вып. 2 (46). С. 10).

³⁷ В некрологе Н.Д. Плешко отмечалось: «Николай Дмитриевич, несмотря на свое плохое здоровье, взял на себя работу по печатанию журнала на ротаторе, чем облегчил выход этого интересного издания. Последние годы эти работы, строго говоря, были вредны и непосильны почившему, который тем не менее зная это, продолжал самоотверженно трудиться для будущей истории» (Коцебу П.П. *гр. Памяти друга* // *Новик*. 1960. Предисловие. [С. 1]).

³⁸ Воеводский С.С. *Указатель к историко-родословному журналу «Новик», 1934–1953*. Нью-Йорк, 1954. В начале 1990-х гг. С.Н. Богатырев напечатал указатель к «Новику», но публикация оказалась неудачной, и ее трудно признать библиографическим пособием в полном смысле слова. Автор фактически переиздал перечень С.С. Воеводского, дополнив его оглавлениями за последующие годы, при этом был пропущен «Новик» за 1961 г. С.Н. Богатырев

эмигрантов «первой волны», покинувших родину в сознательном возрасте, стремительно уменьшалось в силу естественных причин. На смену им приходила молодежь, которая не была так крепко связана с Россией и в большей степени являлась носителем иной культуры. Новые поколения относились к русским предкам безразлично, генерационная преемственность семейно-генеалогической культуры нарушилась. Эта ситуация оказала сильное влияние на состояние дел в общественных организациях Зарубежья. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. постепенно сокращалась деятельность Русского историко-родословного общества. Его кризисное состояние отразилось в отчете за 1962 г., где констатировалось: «[...] Все мы стареем, и наша работоспособность соответственно уменьшается. Уходят старые работники, и число членов общества ежегодно уменьшается, новых поступлений не было»³⁹. Возник вопрос о невозможности продолжать деятельность организации.

Одновременно переживал трудности «Новик». Их усугубила смерть Н.Д. Плешко в декабре 1959 г. После него журнал возглавил историк, генеалог, геральдист, автор трудов по истории Украины Вячеслав Георгиевич Сениотович-Бережный (1902–1992). Однако он не смог поддерживать издание длительное время. «Новик» печатался еще несколько лет по инерции, но готовить его оказалось фактически некому. Выпуск за 1961 г. вышел с большим опозданием, материалов для дальнейшей публикации не находилось, оставшиеся члены редакции были обременены семейными делами и работой. В 1962 г. издание приостановилось. Выпуск за этот год все-таки увидел свет, но редакция обратилась к членам Русского историко-родословного общества с просьбой о помощи «советом, пропагандой и добыванием новых активных работников»⁴⁰. В 1963 г. «Новик» был издан последний раз, хотя материалы для выпуска на следующий год имелись, а продолжение его признавалось «очень желательным».

Публиковавшийся в течение 30 лет журнал оказался единственным генеалогическим изданием среди обширной эмигрантской периодики. Он сыграл выдающуюся роль в консолидации русских генеалогов и в координации родословных исследований.

«Новик» создавался как преемник «Летописи Историко-родословного общества», поэтому должен был поддерживать традиции московской

не сверил записи с реальным содержанием номеров, поэтому в его материале имеются многочисленные ошибки в названиях, указаниях на страницы и т. п. См.: Богатырев С.Н. Историко-генеалогический журнал «Новик» в 1934–1963 гг. // Историческая генеалогия. 1993. № 2. С. 87–113.

³⁹ Деятельность Историко-родословного общества за 1962 год // Новик. 1962. Отд. 3. С. 2.

⁴⁰ Там же.

генеалогической школы и следовать той модели специализированного издания, которая сформировалась в «Летописи», повторяя ее по тематическим направлениям и структуре. Однако он существовал в иной исторической, культурологической и историографической ситуации и не стал только повторением прежнего. Сконцентрировав все лучшее из того, что накопила отечественная генеалогия на рубеже XIX–XX в., «Новик» сумел не только сохранить, но и развить родословную мысль. Благодаря ему были впервые осмыслены некоторые теоретические аспекты дисциплины⁴¹, завершилось формирование генеалогической историографии как самостоятельного раздела, усовершенствовалась методика поиска информации, а также оказались уточнены и дополнены многие конкретные родословия.

Для модернизации представлений о роли и месте генеалогии в системе научного знания существенное значение имели работы Л.М. Савелова о ее связях с топонимикой и естественными науками (генетикой, медициной, евгеникой)⁴². Ученый выдвинул и обосновал тезис о том, что происхождение географических названий, сохранивших «воспоминания о прежних владельцах», необходимо изучать комплексно, в контексте семейно-родовых сведений. Одновременно он поддержал необходимость информационного и методического взаимодействия генеалогии, генетики и евгеники, декларировал их познавательную целостность. Использование данных генетики и евгеники, по его мнению, расширяет проблемное пространство родословного знания и создает дополнительные исследовательские возможности. Л.М. Савелов наметил перечень вопросов, в изучении которых естественным наукам могут помочь сведения о родстве (наследование талантов, влияние браков и т. д.).

В связи с расширением тематического пространства возник вопрос о гносеологическом смысле генеалогического исследования. Если раньше его предназначение трактовалось только в категориях исторического знания, то в новой ситуации при выявлении и анализе информации становилось необходимым учитывать интересы других областей науки: географии, генетики,

⁴¹ Материалы, связанные с теорией и историографией генеалогии, готовились для публикации в «Летописи Историко-родословного общества в Москве» еще в 1910-е гг., но из-за Первой мировой войны они не были напечатаны и стали известны только в конце XX в., см.: Наумов О.Н. Теоретические проблемы в русской генеалогии начала XX века: неизвестная статья К.А. Труша // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1997. Вып. 4/5 (48/49). С. 16–20; Н.П. Чулков о русской генеалогии // Российский архив. Т. 9. М., 1999. С. 559–573.

⁴² Савелов-Савелков Л.М. Генеалогия и география // Новик. 1940. № 4. Отд. 2. С. 1–6; Он же. Генетика и евгеника как части генеалогии // Там же. 1941. № 2. С. 10–17. См. настоящее издание, с. 97–106

психиатрии. Такое понимание теоретических аспектов оказалось пророческим, оно точно соответствует процессам современной генеалогии, ставшей универсальным, интегративным знанием⁴³.

«Новик» способствовал эволюции внутренней структуры дисциплины. Благодаря ему как самостоятельное направление сформировалась генеалогическая историография. В журнале была предпринята попытка осмыслить накопленный в России исследовательский опыт, в том числе анализировалась специфика изысканий в условиях эмиграции. Особую роль в становлении данного раздела сыграл Л.М. Савелов, выступивший с обобщающей работой о развитии отечественной генеалогии с XVI в. до 1930-х гг.⁴⁴. Глубокое понимание проблемы обусловило формирование представлений о перспективах развития родословных исследований. На совершенствование справочно-информационной системы, создание широких возможностей для поиска сведений были направлены предложения Л.М. Савелова⁴⁵ о составлении родословного, генеалогического и историко-биографического словарей русского дворянства, библиографического указателя и о публикации росписей, поданных после отмены местничества в конце XVII в. в Палату родословных дел. Однако в условиях эмиграции подготовить эти справочники не представлялось возможным, поскольку отсутствовал доступ к архивам и библиотекам. Намеченные задачи сохраняют актуальность до сих пор, и на рубеже XX–XXI в. некоторые из них оказались частично выполнены. В.Н. Рыхляков составил библиографический указатель генеалогической литературы, а А.В. Антонов опубликовал акты, приложенных к упомянутым выше росписям⁴⁶.

Развивая футуристические идеи Л.М. Савелова, Н.Д. Плешко перечислил первостепенные для родословного знания проблемы в сфере источниковедения. К ним он отнес выяснение подлинного происхождения дворянских родов, исправление историографических ошибок и неточностей источников, дополнение родословных древними поколениями⁴⁷. Авторы «Новика» много сделали для разрешения перечисленных задач. На основании скрупу-

⁴³ Подробнее см.: Наумов О.Н. Генеалогия и вызовы XXI века // Россия XXI. 2017. № 1. С. 106–129.

⁴⁴ Савелов-Савелков Л.М. Генеалогия // Новик. 1939. № 1. С. 1–11; № 2. С. 1–11; № 3. С. 1–11; № 4. С. 1–14. См. настоящее издание, с. 31–96.

⁴⁵ Савелов-Савелков Л.М. Очередные задачи русской генеалогии // Новик. 1940. № 1. С. 1–8. См. настоящее издание, с. 107–118.

⁴⁶ Рыхляков В.Н. Опыт библиографии отечественной генеалогии. СПб., 1998–2008. Ч. 1–6; Акты служилых землеладельцев XV – начала XVII вв. М., 1997–2008. Т. 1–4.

⁴⁷ Плешко Н.Д. Очередная задача русских генеалогов // Новик. 1954. Отд. 1. С. 12 (см. настоящее издание, с. 294).

лезного анализа опубликованных (в том числе и в СССР) источников сам Н.Д. Плешко установил общность происхождения Голохвастовых и Татищевых, Колтовских и Горяиновых, Плещеевых и Ворыпаевых, выдвинул гипотезу о едином родоначальнике Нагих, Собакиных, Бибиковых и Якимовых⁴⁸, собрал сведения о древних представителях родов Исленьевых, Кушелевых, Писемских, дополнил ранними поколениями родословия Араповых, Безобразовых, Еремеевых, Мавриных, Буниных⁴⁹. Специальное исследование он посвятил Ратше и Акинфию Великому – предкам Бутурлиных, Пушкиных и других известных родов⁵⁰. Итог этим изысканиям подвели список 306 древних родов, распределенных по родоначальникам⁵¹, и работа о родственных связях московских служилых семей в XVI в.⁵². Н.Д. Плешко составил также наиболее полную (587 человек) поколенную роспись князей Урусовых, начатую с халифа Абубекра, родственника пророка Мухаммеда⁵³ и опубликованную в качестве приложения к «Новику». Заметным вкладом в генеалогическую историографию стали исследования Л.М. Сухотина о составе опричников и положении русских служилых людей в начале XVII в.⁵⁴.

Тематика «Новика» далеко не исчерпывалась Средневековьем. Не менее важным направлением научного поиска стало изучение генеалогии иностранных родов и этнических групп, входивших в элиту Российской империи. Публиковались статьи об украинских, татарских и грузинских родах⁵⁵. Зна-

⁴⁸ Плешко Н.Д. Татищевы и Голохвастовы // Новик. 1938. № 2. С. 7–10 (см. настоящее издание, с. 309–312); Он же. Плещеевы и Ворыпаевы // Там же. № 3. С. 13–14; Он же. Колтовские и Горяиновы // Там же. С. 15–16; Он же. Интересное разноречие в древних родословных // Там же. 1946. С. 14–15 (см. настоящее издание, с. 285–287).

⁴⁹ Плешко Н.Д. Документальные исходные данные по некоторым древним родам // Новик. 1953. Отд. 1. С. 16–18 (см. настоящее издание, с. 288–291); Он же. Очередная задача русских генеалогов // Там же. 1954. Отд. 1. С. 11–17; 1955. Отд. 1. С. 41–46 (см. настоящее издание, с. 292–308).

⁵⁰ Плешко Н.Д. Легенда о боярине Акинфии Гавриловиче Великом, предке Бутурлиных // Новик. 1941. № 1. С. 8–12 (см. настоящее издание, с. 253–259); Он же. Кто был Ратша, предок Бутурлиных, Пушкиных и других родов // Там же. 1947. Отд. 2. С. 14–15 (см. настоящее издание, с. 251–252).

⁵¹ Плешко Н.Д. Образование родовых прозваний в Древней Руси // Новик. 1946. С. 1–13.

⁵² Плешко Н.Д. Родственные связи некоторых родов московского общества времен царя Ивана Васильевича Грозного // Новик. 1952. Отд. 1. С. 41–50.

⁵³ Плешко Н.Д. Князя Урусовы и их предки. Нью-Йорк, 1955.

⁵⁴ Сухотин Л.М. Список опричников Ивана Грозного // Новик. 1940. № 3. С. 19–25; Он же. Дворяне и дети боярские после Смуты // Там же. 1947. Отд. 2. С. 1–14 (см. настоящее издание, с. 313–327).

⁵⁵ Ижболдин Б.С. Влияние религии на трон Золотой Орды при Батые и его потомках // Новик. 1958. Отд. 1. С. 13–22; Он же. Казанские цари из династии Гиреев // Там же. 1952. Отд. 1. С. 23–29; Туманов К.Л. кн. Материалы к генеалогии Багратидов. Князя Багратион-Мухранские // Там же. 1951. Отд. 2. С. 1–17; Сенютович-Бережный В.Г. От Запорожской

чительно активнее, чем в начале XX в., изучалось потомство иностранцев, которые поступили на русскую службу в XVIII–XIX вв. Были опубликованы росписи обосновавшихся в России ветвей маркизов Паулуччи, графов Коцебу, графов Келлер, графов О’Рурк, графов Гауке, Суше де ла Дебоассиер и многих других⁵⁶. В обобщающей работе об обрусевших иностранных семьях содержались сведения об Анжу, Бларамберг, баронах Брюнольд, Гербель, Гольтгоер, Ден, Дюгамель, Комстадиус, Крейтон, Курис, Посьет и Эммануэль⁵⁷. Параллельно изучались судьбы русских родов, попавших в подданство Швеции в начале XVII в.⁵⁸. Такой исследовательский акцент детерминировался доступностью иностранных источников и литературы, стремлением привлечь к журналу внимание зарубежных специалистов и представителей изучаемых родов. В теоретическом отношении эти публикации способствовали осознанию русского дворянства в контексте западной элиты, а его истории – как неотъемлемой части эволюции общеевропейского социума.

Расширение тематики происходило в «Новике» не только за счет изучения дворянства национальных окраин Российской империи, но и через обращение к тем группам, которые в предшествующей историографии находились на периферии исследовательского интереса. Это относится, прежде всего, к выслуженному дворянству, частично происходившему из купеческого сословия. В «Новике» было опубликовано несколько родословий подобных семей⁵⁹, хотя следует подчеркнуть, что журнал касался исключительно дворянской генеалогии. Другие социальные слои не привлекали авторов. Такая традиция соответствовала представлениям определенной части дореволюционных генеалогов, но не могла в полной мере отвечать потребностям научного знания, ограничивая исследовательское пространство и сокращая читательскую аудиторию. Это имело негативные последствия и для развития

Сечи к малороссийскому дворянству // Там же. 1954. Отд. 1. С. 18–23; 1955. Отд. 1. С. 9–20; Тарсаидзе А.Г. Дополнительные сведения о грузинском дворянстве // Там же. 1941. № 3. С. 26–31 и др.

⁵⁶ Суше де ла Дюбоассиер О.А. Суше де ла Дюбоассиер // Новик. 1938. № 1. С. 28–30; Берг Б.Г. гр. Графы Келлер // Там же. 1940. № 2. С. 22–30; Он же. Графы О’Рурки // Там же. 1942. № 2. С. 19–25; Плешко Н.Д. Краткая история дворян и графов Коцебу // Там же. 1945. С. 67–85; Берг Б.Г. гр. Маркизы Паулуччи // Там же. С. 86–88; Плешко Н.Д. Графы Гауке // Там же. 1958. Отд. 2. С. 3–6.

⁵⁷ Плешко Н.Д. Иностранные роды русского дворянства // Новик. 1940. № 3. С. 25–33.

⁵⁸ Тарсаидзе А.Г. Русские стародавние дворянские роды в Швеции и шведские роды в России // Новик. 1955. Отд. 1. С. 33–40.

⁵⁹ Арсеньев В.С. Щепочкины // Новик. 1937. № 1. С. 25; Плешко Н.Д. Варженевские // Там же. 1938. № 4. С. 19–21; Савелова Н.А. Костинские // Там же. 1939. № 3. С. 18; Берг Б.Г. гр. Гейцыги // Там же. 1941. № 1. С. 19–21 и др.

дисциплины, и для «Новика», поскольку условия существования в эмиграции требовали максимальной консолидации на основе этнического единства, а не в пределах социальных страт.

Разнообразие изучаемых родов не означало систематического исследования какой-либо социально-генеалогической группы. Выбор рода для изучения был случайным и предопределялся тремя обстоятельствами. Приоритетное значение среди них имело личное знакомство генеалогов с представителями семьи, позволявшее пользоваться частными источниками и устной информацией. Многие описанные в «Новике» роды были связаны между собой свойственными отношениями, что становилось дополнительным фактором, который стимулировал внимание к ним со стороны генеалогов. Наконец, страна проживания также определяла тематику генеалогических исследований. Основное внимание в «Новике» уделялось тем, кто находился в Америке.

Для генеалогов-эмигрантов принципиальное значение имел тезис о необходимости продолжать начатые до 1917 г. исследования, поэтому целенаправленно публиковались дополнения и исправления к поколенным росписям, составленным во второй половине XIX – начале XX в. Были восполнены и доведены до середины XX в. родословия из справочников Г.А. Влащева, князя А.Б. Лобанова-Ростовского, В.И. Чернопятава, В.В. Руммеля, В.Л. Модзалевского, А.А. Сиверса⁶⁰ и др. Они демонстрировали преемственность между генеалогической историографией императорского и эмигрантского периодов.

Родословная информация транслировалась в «Новике» преимущественно через поколенные росписи, хотя некоторые материалы содержали таблицы⁶¹. Всего было опубликовано около 200 росписей, что превосходит количество родословных, находящихся в некоторых справочниках (например, В.В. Руммеля и В.В. Голубцова, А.А. Сиверса и др.)⁶². Данное обстоятельство позволяет рассматривать комплект «Новика» как своеобразное справочно-информационное издание.

⁶⁰ Плешко Н.Д. Бекетовы // Новик. 1945. С. 60–63; Он же. Князья Горчаковы // Там же. С. 94–103; Берг Б.Г. гр. Князья Бяратинские // Там же. С. 63–65; Плешко Н.Д. Степановы // Там же. 1948/1949. Отд. 2. С. 14–16; Мазаракий Н.Н. Хитрово // Там же. 1952. Отд. 2. С. 13–17; Он же. Мухановы // Там же. 1954. Отд. 2. С. 45–46; Он же. Мосоловы // Там же. С. 47–48; Он же. Аксаковы // Там же. С. 49–51; Плешко Н.Д., Мазаракий Н.Н., Б[ибиков] Ю.Е. Дополнение к родословию дворян и графов Барановых // Там же. 1960. Отд. 2. С. 11–36 и др.

⁶¹ Плешко Н.Д. Родословные записи по XVII столетию // Новик. 1947. Отд. 2. С. 15–22.

⁶² Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886–1887. Т. 1–2; Сиверс А.А. Генеалогические разведки. СПб., 1913. Вып. 1.

В эмигрантской генеалогии была усовершенствована нумерация, которая связывает членов одного рода и придает единство совокупности биографических справок в поколенной росписи. В «Новике» получила распространение ее наиболее удобная и эффективная разновидность, при которой номер человека состоит из двух цифр: первая является его личным номером, а вторая указывает на отца. До 1917 г. известны единичные случаи использования такой методики⁶³, а в Зарубежье она оказалась доминирующей. Другим достижением стала общая нумерация для мужчин и женщин. К ее использованию еще в 1900-х гг. призывал Л.М. Савелов⁶⁴, но в генеалогии императорского периода женщины часто не имели номера или нумеровались отдельно от мужчин, что создает определенные проблемы при работе с росписями.

В первые годы существования «Новика» из-за экономии места в поколенных не указывались источники информации, что снижало научную ценность публикаций. Однако когда объем журнала увеличился и появилась возможность печатать большие тексты, ссылки появились, а в 1938 г. стали фактически обязательными. С 1940-х гг. росписи предварялись предисловиями, в которых сообщались сведения о происхождении семьи, содержался обзор литературы, указывалось на ошибки в историографии и наличие герба. Объем журнала не всегда позволял печатать полные родословия, поэтому чаще всего родословия касались одной из ветвей, а в хронологическом отношении тяготели к XVIII–XX вв., только кратко освещая более ранние периоды.

Принципиальное значение для развития методики отечественной генеалогии имела роспись потомства А.П. Мусницкой, составленная В.С. Арсеньевым⁶⁵. В ней расписывались потомки конкретного лица как по мужской, так и по женской линии родства. Роспись давала представление о всем спектре связей внутри семьи, связывая в единое генеалогическое пространство Чертковых, графов Толстых, С.А. Есенина, актрису А.И. Степанову и других известных лиц. В теоретическом отношении такой подход демонстрировал необходимость гендерного равноправия, безоговорочно утвердившегося в современной науке.

В целом, методический уровень «Новика» оказался более высоким, чем в «Летописи Историко-родословного общества», отразив развитие

⁶³ Например, ее использовал книговед и библиограф У.Г. Иваск, занимавшийся генеалогическими исследованиям. См.: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 783. К. 3. Д. 25, 26, 29 и др.

⁶⁴ Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии. Ч. 1. С. 26.

⁶⁵ Арсеньев В.С. Потомство Анны Павловны Мусницкой, урожденной Арсеньевой // Новик. 1937. № 2. С. 23–27.

русской генеалогической мысли, накопление и осмысление опыта практических исследований, влияние зарубежной традиции⁶⁶. Немаловажную роль в совершенствовании методического инструментария сыграл Л.М. Савелов. Он тщательно редактировал предназначенные для журнала материалы, следил за их качеством, обучал любителей профессиональным методам работы с семейной информацией.

Генеалогические изыскания в эмиграции осложнялись неразрешимой источниковедческой проблемой. Исследователи не имели возможности работать с архивами, да и необходимую литературу можно было найти в иностранных библиотеках далеко не всегда. Первоначально такая трудность осознавалась, видимо, не вполне четко. В первых номерах журнала Л.М. Савелов пытался продолжить археографическую деятельность «Летописи Историко-родословного общества», регулярно публиковать документы по истории России и генеалогии. В 1930-е гг. в «Новике» воспроизвели несколько текстов XVI–XIX вв., в копиях или подлинниках вывезенных за границу⁶⁷. В.С. Арсеньев, например, подготовил к печати сделанные его отцом, дипломатом и историком С.В. Арсеньевым выписки из касающихся русской истории документов шведских архивов⁶⁸. Однако подобные материалы быстро иссякли, после 1938 г. публикаций архивных источников в «Новике» не было, но их отсутствие компенсировалось регулярным воспроизведением созданных в эмиграции мемуаров.

Воспоминания получили широкое распространение среди диаспоры. Когда к концу 1920-х гг. для большинства представителей русской диаспоры стало ясно, что скорого возвращения на родину не будет, приобрела актуальность идея сохранения индивидуальной и коллективной памяти. «Главной целью становится фиксация того сложного процесса, который привел к революционной катастрофе, и попытка понять его, объяснить себе и грядущим поколениям. Эмиграция осознает себя единственной хранительницей духа русской культуры. Центры диаспоры превращаются в огромные лаборатории по восстановлению, сохранению и защите национальной и индивидуальной памяти», – справедливо отмечают современные исследователи⁶⁹.

⁶⁶ Подробнее см.: Наумов О.Н. Зарубежная генеалогия и развитие методики родословных исследований в России в первой половине XX в. // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996. С. 352–354.

⁶⁷ Из архива В.И. Чернопятова // Новик. 1934. № 3. С. 25–31; Выписка о владениях Василия Андреевича Савелова в Бежецкой пятине // Там же. 1935. № 1. С. 25–26; Письмо великого князя Константина Константиновича Ю.В. Арсеньеву // Там же. 1938. № 2. С. 31–32 и др.

⁶⁸ Арсеньев В.С. Из бумаг С.В. Арсеньева // Новик. 1936. № 4. С. 31–32.

⁶⁹ Гаретто Э. Мемуары и тема памяти в литературе русского зарубежья // Блоковский сборник. Т. XIII. Тарту, 1996. С. 101.

«Новик» не стал исключением, его редакция охотно публиковала воспоминания. Было напечатано более 20 текстов, различных по тематике и объему. Л.М. Савелов, например, напечатал заметки о своих поездках в Суздаль и Новгород, очерки о руководителе Московского археологического общества графине П.С. Уваровой и сенаторе В.Н. Смольянинове, рассказ о праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 г.⁷⁰ В.С. Арсеньев опубликовал сведения о полулегальной работе Историко-родословного общества в Москве после 1917 г., В.Н. Смольянинов – воспоминания о совместной работе с Л.М. Савеловым⁷¹. Большой интерес представляют очерки К.Д. Бендерова о семье Муравьевых и об известном общественном деятеле, историке графе С.Д. Шереметеве⁷².

Многие мемуары⁷³ были насыщены генеалогической информацией и стали уместным дополнением к суховатым поколенным росписям и родословным таблицам. Некоторые тексты создавались специально для «Новика», и их авторы учитывали его тематику. В частности, оригинальную форму для воспоминаний нашел член Русского историко-родословного общества в Америке, бывший полковник Г.Н. Одинцов (1899–1972)⁷⁴. Составив поколенную роспись своей семьи, он вместо биографических справок об отце и братьях написал соответствующие мемуарные очерки⁷⁵.

Опубликованные в «Новике» воспоминания являются ценными источниками для изучения истории и быта дворянства России конца XIX – начала XX в., дополняют известные родословия уникальными, иногда нигде более не зафиксированными биографическими подробностями, дают представление о семейной культуре императорской России, об отношении социума к родственным связям, о терминологии и широком круге иных генеалогических проблем.

⁷⁰ Савелов-Савелков Л.М. Московское дворянство в 1912 и 1913 годах // Новик. 1934. № 1. С. 7–16; № 2. С. 1–12; Он же. По градам и весям. 1. Новгород; 2. Чернигов // Там же. 1935. № 2. С. 1–8; № 3. С. 1–8; № 4. С. 1–10; 1936. № 1. С. 1–8; Он же. Графиня Прасковья Сергеевна Уварова. Из личных воспоминаний // Там же. № 4. Отд. 2. С. 6–13; Он же. Из моих воспоминаний о Владимире Николаевиче Смольянинове // Там же. 1942. № 2. С. 35–37 и др.

⁷¹ Арсеньев В.С. Историко-родословное общество в Москве после революции // Новик. 1934. № 2. С. 21–23 (см. настоящее издание, с. 123–125); Смольянинов В.Н. Леонид Михайлович Савелов. Из личных воспоминаний // Там же. 1940. № 1. С. 17–20.

⁷² Бендеров К.Д. Из прошлого // Новик. 1939. № 1. С. 13–20; Он же. Муравьевская усадьба // Там же. 1941. № 3. С. 15–18 (см. настоящее издание, с. 137–150).

⁷³ См., например: Юрьевич С.А. Воспоминания детства // Новик. 1940. № 4. Отд. 2. С. 23–29. По нашим подсчетам, в этом небольшом тексте упомянуто 47 генеалогических фактов, из них 16 касаются родства автора, а 31 – родственных связей его знакомых. К информации о родстве по крови относится 24 факта, к свойству – 23.

⁷⁴ Подробнее о нем см.: Незабываемые могилы. Т. 5. М., 2004. С. 205.

⁷⁵ Одинцов Г.Н. Николай Алексеевич Одинцов, его предки и семья // Новик. 1947. Отд. 2. С. 28–52.

В источниковедческом отношении важной новацией «Новика» стало систематическое привлечение при составлении поколенных росписей устной информации. Научное значение полученных от представителей родов данных в первой половине – середине XX в. было не так очевидно, как в настоящее время. Многие респонденты даже сомневались в исторической ценности своих сведений о предках. Например, М.Ю. Гаршин писал Л.М. Савелову 6 февраля 1936 г.: «Посылаю Вам Гаршинское родословное древо и письменные указания к нему, правда, избыточные подробностями, интересными только для потомков»⁷⁶. Генеалогам приходилось разъяснять ценность устной информации.

Кроме исследовательской и публикаторской функций «Новик» успешно исполнял роль справочно-информационного центра. В нем регулярно печатались рецензии на изданные в эмиграции и в СССР книги, касавшиеся генеалогии или истории дворянства. Особенно внимательно относилась редакция к деятельности жившего во Франции Н.Ф. Иконникова⁷⁷. Практически каждый выпуск его справочника «La noblesse de Russie» («Российское дворянство») сопровождался отзывом. Публиковались подробные библиографические обзоры вышедшей в 1920-е – 1930-е гг. советской исторической и краеведческой литературы, сделанные В.С. Арсеньевым⁷⁸.

В «Новике» использовалась специфическая форма повторной публикации генеалогической информации. Под заглавием «Мелочи и заметки» в виде таблиц или коротких заметок с точной ссылкой на источник печатались сведения, заимствованные из дореволюционных и советских изданий. Такие своеобразные реферативные сообщения позволяли ввести в научный оборот факты, разбросанные по историческим и краеведческим изданиям, иногда прямо с родословием не связанным. Особенно широко применял такой способ В.С. Арсеньев, который до отъезда из СССР много занимался библиографической работой и выписывал случайно попадавшиеся ему в газетах и журналах генеалогические сведения.

В «Новике» регулярно освещалась деятельность дворянских организаций Европы и Америки, Русского историко-родословного общества, иногда давались справки по историческим и генеалогическим вопросам, возникавшим среди эмигрантов. Так, В.С. Арсеньев разъяснял правила употребления русскими дворянами частиц «де» и «фон», которые должны были указывать на принадлежность к благородному сословию⁷⁹.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 6091. Д. 20. Л. 4.

⁷⁷ О нем см.: Известия Русского генеалогического общества. 1995. Вып. 4. С. 59–80.

⁷⁸ Арсеньев В.С. Несколько дополнений к библиографии российского дворянства // Новик. 1934. № 4. С. 21–30; 1935. № 1. С. 29–32. Рукопись см.: Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1345. Оп. 6. Д. 46. Л. 1–2 об.

⁷⁹ Арсеньев В.С. О частицах «де» и «фон» // Новик. 1937. № 2. С. 33.

Особое место в структуре «Новика» занимала генеалогическая хроника. В этом разделе печатались сообщения о рождениях, бракосочетаниях и кончинах русских эмигрантов, и он выполнял несколько взаимосвязанных, важных в познавательном и социальном отношениях функций. Во-первых, благодаря рубрике становились общедоступными сведения об изменениях в персональном составе диаспоры. Во-вторых, публикации имели справочное значение, могли быть использованы при поиске биографических и генеалогических данных, являлись частью мероприятий по учету эмиграции. В-третьих, сам факт целенаправленного собирания родословной информации во многом детерминировался источниковедческими потребностями генеалогии. В-четвертых, ведение генеалогической хроники воспринималось составителями как нравственный долг, продолжение некрополистических работ начала XX в., способ сохранения национальной, культурной и научной идентичности.

Идею о необходимости собирания некрополя дворянской диаспоры высказал в 1935 г. В.С. Арсеньев⁸⁰. Она возникла в контексте разработки программы по восстановлению систематического учета дворянства, существовавшего в Российской империи до 1917 г. В.С. Арсеньев предложил учредить новые родословные книги, которые отразили бы трагические события начала XX в. Их планировалось разделить на 5 частей: 1) убитые и раненые в Первую мировую войну; 2) убитые и умершие от преследований во время революции; 3) участники Первой мировой войны; 4) участники Гражданской войны; 5) преследуемые революционерами и большевиками (ссылка, тюрьма, высылка и т. д.). Обязанность составлять книги, по мысли автора, возлагалась на дворянские организации Европы и Америки или на редакцию «Новика». Среди сопутствующих задач В.С. Арсеньев назвал собирание дворянского некрополя.

Пытаясь хотя бы частично реализовать проект, он при помощи брата, секретаря знаменитого Русского дома под Парижем Ю.С. Арсеньева составил списки захоронений на кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа с 1927 по 1936 г.⁸¹ Их публикация положила начало генеалогической хронике в «Новике», которая с 1939 г. стала регулярной.

Первоначально раздел задумывался как некрополистический и, соответственно, содержал сведения только о кончинах, но с 1939 г. задача со-

⁸⁰ Арсеньев В.С. 1785–1935 // Новик. 1935. № 3. С. 10.

⁸¹ Арсеньев В.С. Список лиц, похороненных на русской части кладбища С[ен]-Женевьев-де-Буа, деп[артамент] Сен-и-Уаз, Франция // Новик. 1936. № 2. С. 35–43; Он же. Скончавшиеся в Русском доме в Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем в 1937–1939 гг. // Там же. 1939. № 2. С. 34; Арсеньев Ю.С. Список лиц, похороненных на русской части кладбища в С[ен]-Жене-

бирания информации о русской диаспоре стала пониматься более широко. К записям о смертях добавились сообщения о браках и рождениях, благодаря чему сформировалась окончательная структура, сохранявшаяся до 1960-х гг. Генеалогическая хроника состояла из трех рубрик: рождения, бракосочетания и некрополь. Новая структура привела к трансформации названия из первоначального «Скорбная страница» на более точно отражавшее содержание «Генеалогическая хроника», употреблявшееся с первого номера за 1939 г.

Составление раздела стало коллективной работой членов Русского историко-родословного общества. Часто генеалогическая хроника не имела подписи, и не всегда можно установить, кто именно принимал в ней участие, но иногда анонимность нарушалась. Так, в первом выпуске за 1942 г. указано, что некрополь по Америке собирало 7 человек: граф Б.Г. Берг, С.В. Гладкий, Г.В. Голохвастов, Н.И. Лада-Клодницкий, Н.Д. Плешко, Н.С. Полушкин и Л.М. Савелов-Савелков⁸². В подготовке списка умерших дворян, опубликованного в 1946 г., участвовали В.С. Арсеньев, граф Б.Г. Берг, С.В. Гладкий, Н.Д. Плешко и Н.С. Полушкин⁸³. До вступления США во Вторую мировую войну сведения о европейском дворянском некрополе регулярно присылал В.С. Арсеньев, а после его смерти в 1947 г. – князь М.А. Гагарин. У В.С. Арсеньева были корреспонденты, помогавшие собирать информацию. Русский некрополь Вены, например, опубликован под его фамилией, но в подзаголовке указывалось, что составлен он по материалам, сообщенным А.А. Красовским⁸⁴. В 1950-е – 1960-е гг. записи по Южной Америке регулярно доставлялись издателем, переводчиком, писателем, генеалогом, бухгалтером по профессии Николаем Николаевичем Мазаракием (1905–1965)⁸⁵.

Редакция «Новика» стремилась к расширению круга составителей генеалогической хроники. Особенно настойчивыми стали эти попытки в 1950-е гг., когда возникли кадровые трудности. В 1956 г. журнал опубликовал обращение к членам Русского историко-родословного общества, ко всем подписчикам и читателям с просьбой присылать сведения о рождениях, бракосочетаниях и кончинах «русских людей за рубежом России»⁸⁶.

вьев-де-Буа (департ[амент] С[ен]-и-У[аз] во Франции), с 1.6.1935 [г.] по 1.12.1936 [г.] // Там же. 1936. № 4. С. 37–38.

⁸² Материалы для американского некрополя. Список № 2 скончавшихся в Америке // Новик. 1942. № 1. С. 33.

⁸³ Арсеньев В.С., Берг Б.Г., Гладкий С.В., Плешко Н.Д., Полушкин Н.С. Список № 2 // Новик. 1946. С. 74–76.

⁸⁴ Арсеньев В.С. Русские погребения в Вене // Новик. 1940. № 1. С. 38–39.

⁸⁵ Подробнее о нем см.: Незабываемые могилы. Т. 4. М., 2004. С. 294.

⁸⁶ Новик. 1956. Отд. 3. С. 8.

За почти 25 лет существования структура информации в генеалогической хронике претерпела существенные изменения. Сначала записи были скудными и отрывочными, в 1939–1940 гг. они составляли небольшую рубрику, в которой некрополистические сведения не только не преобладали, но в отдельных номерах даже отсутствовали. Ситуация изменилась в конце 1940-х гг., когда благодаря энергичной поддержке русской диаспоры Америки учет стал более последовательным, а информация – полной. Тогда же установилось новое количественное соотношение между внутренними разделами хроники, а сообщения о кончинах оказались доминирующими по сравнению с немногочисленными извещениями о рождениях и браках. Так, если во втором выпуске «Новика» за 1941 г. опубликовано 7 некрополистических записей, то в 1963 г. их напечатано более 500.

Наряду с количественным ростом постепенно расширялся перечень стран, откуда доставлялись сведения. В 1950-е – начале 1960-х гг. наряду с государствами Европы и США хроника охватывала Южную Америку, Африку, Азию, Австралию и Новую Зеландию.

Всего в «Новике» напечатаны сообщения о 49 новорожденных, 111 фактах бракосочетания и кончине 4507 человек (не считая сведений о тех, кто умер в России до 1917 г.). Эти сведения дают репрезентативное представление о составе русской диаспоры и имеют несомненный интерес для социальных и генеалогических исследований. «Новик» извещал о кончинах известных деятелей русской науки и культуры: поэта К.Д. Бальмонта, философов И.А. Ильина и Г.П. Федотова, композитора А.Т. Гречанинова, историков С.П. Мельгунова и М.И. Ростовцева, писателя А.М. Ремизова, актера М.А. Чехова, танцора М.М. Фокина и др.

Информационная значимость генеалогической хроники в полной мере осознавалась ее составителями. В юбилейной статье к десятилетию издания публикация раздела называлась важнейшим делом Русского историко-родословного общества⁸⁷. Хроника «Новика» заложила эмпирическую основу для изучения русской генеалогии XX в. и эмигрантского некрополя, которое активно ведется в современной науке.

Однако нельзя сводить значение этой многолетней работы только к созданию информационной базы для последующих поколений историков. Она имела нравственный аспект и воспринималась редакцией «Новика» как исполнение культурных и этических обязательств перед родиной. «На нашей обязанности перед будущими историками земли Русской лежит запечатлеть то, что мы можем: дать наши мемуары, записать все, что мы видели своими глазами, что слышали своими ушами, записать имена людей, их биографии и

⁸⁷ К. К десятилетию «Новика» // Новик. 1945. С. 2.

связи, как семейные, так и служебные и общественные, дать точные даты их земного существования, записать их деятельность так, как мы ее видим»⁸⁸, – формулировали генеалоги-эмигранты смысл своей деятельности. Составление генеалогической хроники интерпретировалось в контексте фундаментальной работы по сохранению прошлого России, поэтому обретало дополнительное значение в качестве мероприятия по созданию и трансляции информационного фонда национальной памяти, а также как специфическая форма служения на благо родины вдали от нее.

Без материалов «Новика» сейчас невозможно полно и объективно осознать трагедию российской эмиграции и самой России, которая после 1917 г. осталась без значительной части интеллектуальной, культурной, социальной элиты. Поразителен оптимизм авторов издания. В статьях 1930-х – 1940-х гг., когда, казалось, СССР будет существовать многие столетия, они убежденно писали о том, что владычество большевиков скоро закончится и строили планы о том, как следует возрождать на родине поруганную и уничтоженную генеалогию.

«Новик» стал целой эпохой в истории русской генеалогии. Это был эмигрантский период отечественной науки, когда профессиональные исследователи и любители родословия объединились, чтобы сохранить культуру дворянского сословия для будущих поколений, для новой России, в возрождение которой они искренне и горячо верили.

* * *

С конца XX в. «Новик» привлекает большое внимание российских исследователей. Оно было связано со сложными процессами модернизации знания о прошлом, совершенствованием его методики и расширением исследовательского пространства, которые привели к изменению познавательного положения специальных исторических дисциплин в целом и генеалогии в частности. С другой стороны, в отечественной историографии было преодолено искусственное, алогичное разделение единого исторического знания в зависимости от хронологических и методологических констант (до или после 1917 г., «марксистская» или «буржуазная» наука). Последнее обстоятельство дает возможность представить развитие отечественной генеалогии как целостный и многогранный процесс, одним из проявлений которого стало издание в эмиграции журнала «Новик».

Интерес к нему в современной науке выразился не только через публикацию соответствующих исследований⁸⁹, но и в повторном воспроизведе-

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ См.: Наумов О.Н. Журнал «Новик» и развитие русской генеалогии в эмиграции (1930 – 1950-е годы) // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 7–16; Он же. Источники исследований русских

нии отдельных выпусков. Были переизданы номера за 1952 г., 1963 г. и четвертый выпуск за 1940 г.⁹⁰, а также отдельные статьи⁹¹. Выбор их в качестве объекта публикации являлся случайным. Причем в археографическом отношении указанные воспроизведения нельзя признать совершенными. Скромный внешний вид и качество печати не позволяли издать «Новик» репринтно, поэтому номера вышли в свет в новом полиграфическом варианте, с иным количеством страниц, с опечатками и ошибками, которые возникли при переводе на современную орфографию.

Значение «Новика» для современного исторического знания возрастает не только вследствие активизации генеалогических изысканий, но и в связи с развитием некрополистических исследований. Это наглядно продемонстрировал изданный в 2011 г. справочник, в котором были опубликованы все некрополистические материалы журнала, а также сведения из раздела «Генеалогическая хроника»⁹². Он был благожелательно встречен научным сообществом⁹³.

Несмотря на перечисленные выше публикации до сих пор сохраняются трудности, широкому использованию «Новика» в исторических исследованиях препятствует недоступность журнала, комплекта которого нет в библиотеках Российской Федерации. Данное обстоятельство обусловило замысел настоящего сборника. В него вошли наиболее, по нашему мнению, интересные материалы из «Новика». При этом мы принципиально отказались от публикации поколенных росписей, поскольку из-за отсутствия доступа к архивным источникам в них, к сожалению, много ошибок и неточностей, которые могли бы утвердиться в историографии в случае повторного воспроизведения.

генеалогов в эмиграции (по материалам журнала Л.М. Савелова «Новик») // История России XIX–XX веков: историография, источниковедение. Нижний Новгород, 1995. С. 133–134; Он же. Источниковедение и архивоведение в исследованиях русских генеалогов-эмигрантов (по материалам журнала Л.М. Савелова «Новик») // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. М., 1995. С. 184–187; Он же. Проблемы геральдики в историко-генеалогическом журнале «Новик» (1934–1947 гг.) // Наумов О.Н. Очерки по русской геральдике. М., 2014. С. 170–182; Он же. Геральдика в историко-генеалогическом журнале «Новик» (1948–1963 гг.) // Там же. С. 183–190.

⁹⁰ Новик. 1940. № 4. М., [1993]. С. 1–79 (тираж 500 экземпляров); Новик. 1952 г. // Историческая генеалогия. 1995. Вып. 8. [Отд. 3.] С. 1–54; Новик. 1963 г. Б. м. и г. С. 1–69.

⁹¹ Балуева-Арсеньева Н.С. Старец Федор Кузьмич. Из воспоминаний современников // Московский журнал. 1995. № 6. С. 60; Навроцкий Ю.А. О первом русском гербовнике // Гербовед. 1998. № 30. С. 128–132; Савелов Л.М. О происхождении А.В. Кольцова // Филологические записки. 2003. Вып. 20. С. 195–199; Навроцкий Ю.А. 16 quartiers // Signum. Вып. 3. М., 2005. С. 186–192.

⁹² Генеалогическая хроника российской эмиграции (по материалам журнала «Новик»): справочник / сост. О.Н. Наумов, С.А. Разумов; общ. ред., предисл. и комм. О.Н. Наумова. М., 2011.

⁹³ Журавлев В.В. [Рецензия] // Российская история. 2013. № 1. С. 221–223.

В сборнике публикуется 33 материала: статьи по теории и истории генеалогии, мемуары, работы по истории отдельных родов и геральдике. Они разделены на 4 раздела: теория и история генеалогии; воспоминания; генеалогия дворянства; геральдика.

Тексты переданы в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Явные опечатки исправлены без оговорок. Все дополнения заключены в квадратные скобки. Текст, выделенный разрядкой, в настоящем издании передан курсивом. Общепринятые сокращения (т. к., т. п. и другие) не раскрываются. Поскольку в «Новике» использовались различные системы сносок, то научно-справочный аппарат был унифицирован. Внутритекстовые сноски преобразованы в подстрочные. Примечания и комментарии, сделанные публикаторами, сопровождаются пометой «Прим. публ.». В конце каждой статьи дается ссылка на номер «Новика» и страницы, где она была напечатана.

В качестве приложения публикуется полный библиографический указатель к журналу «Новик». Он состоит из 12 разделов:

- теория и история генеалогии;
- публикации источников, воспоминания;
- история и генеалогия конкретных родов;
- история дворянства;
- биографика;
- геральдика;
- некрополистика, генеалогическая хроника;
- общие проблемы истории;
- библиография и рецензии;
- информационные материалы;
- некрологи;
- литературные материалы.

Внутри каждого раздела записи расположены по алфавиту фамилий авторов и названий. В том случае, если содержание материала не вполне ясно из его заголовка, приводится краткая аннотация или перечень упомянутых фамилий. Используется система перекрестных ссылок, которая позволяет отыскивать логически связанные между собой публикации.

К материалам сборника, включая библиографический перечень, был составлен именной указатель.

Хотелось бы надеяться, что настоящее издание будет способствовать более активному использованию наследия русских эмигрантов и еще раз напомнит о самоотверженном научном подвиге этих замечательных людей.

*О.Н. Наумов,
доктор исторических наук, профессор,
член Международной академии генеалогии во Франции*